

ANGLOSAXON HISTORIOGRAPHY OF MODERN US IMPERIAL AMBITIONS (ANALYSIS OF CONCEPTUAL MOMENTS)

Irene R. Upir

Astrakhan State University. Astrakhan, Russian. E-mail: ireneupir[at]mail.ru

Abstract

This review examines the positions of modern researchers regarding the hegemonic orientation of the US political course. Many theorists agree that at present the United States has lost its position as a leading power in the world arena, and some researchers adhere to the position that in modern conditions it is impossible to talk about the hegemony of this or that state. However, the opinion about the growing and prevailing role of the China in international relations, especially in the context of the COVID-19 pandemic, is becoming more and more widespread. With advanced technology, economic growth, military power, and a huge population, China is the second most powerful global player after the United States. On a broader global scale, if the world's first two largest economies become rivals, many countries will have to view the competition between China and the United States as a factor in shaping future economic development policies. In connection with the totality of these facts, it is relevant to consider modern literature that studies the imperial ambitions of both states in the framework of their relationship.

Keywords

hegemony; imperial ambitions; USA; China; global balance of power; stability; political leadership; geopolitics; multipolarity; COVID-19.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЯХ США (АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОМЕНТОВ)

Упир Ирина Романовна.

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. E-mail: ireneupir[at]mail.ru

Аннотация

В данной рецензии рассматриваются позиции современных исследователей относительно гегемонистской направленности политического курса США. Многие теоретики сходятся во мнении, что в настоящее время Соединенные Штаты утратили свое положение ведущей державы на мировой арене, а некоторые исследователи придерживаются позиции, что в современных условиях нельзя говорить о гегемонии того или иного государства. Однако все большего распространения получает мнение о возрастающей и преобладающей роли КНР в международных отношениях, в особенности в условиях пандемии COVID-19. Благодаря передовым технологиям, экономическому росту, военной мощи и огромному населению Китай является вторым по влиянию глобальным игроком после США. На более широком глобальном уровне, если две первые крупнейшие экономики мира станут соперниками, многим странам придется рассматривать конкуренцию между Китаем и США как фактор при выработке политики будущего экономического развития. В связи с совокупностью данных фактов, актуальным представляется рассмотрение современной литературы, изучающей имперские амбиции обоих государств в рамках их взаимоотношений.

Ключевые слова

гегемония; имперские амбиции; США; КНР; глобальный баланс сил; стабильность; политическое лидерство; геополитика; многополярность; COVID-19.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Современный мир переживает всеобъемлющий переходный период, вызвавший к жизни глубокий системный кризис. Выживание, продолжительность и устойчивость существующих международных союзов, их соперничество и конфликтный потенциал находятся под вопросом. В политическом сообществе начинают осознавать, что ни конфликтные, ни кооперативные отношения не могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе - направление и темп любых отношений могут измениться в любой момент.

В связи с этим, при анализе текущего глобального баланса сил необходимо учитывать все эти многочисленные условия, которые постоянно видоизменяются. Приходится констатировать, что в настоящий момент ни одна мировая держава не придерживается принципиальной внешнеполитической ориентации, поскольку большинство стран проводят эклектическую, секторальную и разрозненную внешнюю политику.

Несмотря на то, что Соединенные Штаты продолжают оставаться одним из наиболее могущественных, влиятельных и важных игроков на международной арене, они сталкиваются с трудностями в сохранении своего глобального лидерства. Очевидно, что США не устраивают нынешние темпы глобальных отношений, и они не в состоянии изменить темп этих событий в соответствии со своими национальными интересами. В этом контексте интересен анализ современной политической литературы, которая демонстрирует отношение США, как государства с имперскими амбициями, с другими влиятельными игроками, в том числе с таким крупным международным актором, как Китайская Народная Республика.

Известный американский аналитик Франсис Фукуяма в августе 2021 г. разразился статьей по поводу конца мировой гегемонии США. Его резонансное заявление для журнала «Экономист» о конце гегемонии США, вызвало живое обсуждение по всему миру. Фукуяма в частности заявил, что Штаты в погоне за мировым лидерством, уже подорвали свои ресурсы и исчерпали их возможности; что пик их могущества уже прошел и, судя по всему, им вряд ли удастся вернуться на свой прежний уровень. Падение гегемона во многом предрешило раскол его правящих элит, которые утратили консенсус и вошли в фазу открытого конфликта. По мнению Ф. Фукуямы, «на протяжении холодной войны и до начала 2000-х среди американской элиты существовал устойчивый консенсус о сохранении лидирующей позиции в мировой политике. Изнурительные и бесконечные войны в Афганистане и Ираке отвадили многих американцев не только от проблемных

мест вроде Ближнего Востока, но от международного вмешательства в принципе» (Fukuяama, 2021).

В своём заявлении, Ф. Фукуяма даже признает, что долгосрочные источники слабости и рецессии США являются «внутренними, а не международными». Ученый пытается убедить своих читателей, что Америка «останется великой державой на долгие годы, но ее влияние будет больше зависеть от ее способности решать свои внутренние проблемы, чем от ее внешней политики» (Fukuяama, 2021).

В конце концов, период расцвета американской гегемонии длился менее 20 лет, «от падения Берлинской стены в 1989 году до финансового кризиса 2007-2009 годов». Соединенные Штаты неоднократно переоценивали эффективность военной силы в достижении фундаментальных политических изменений. Международный экономический кризис также высветил неравенство, созданное глобализацией под руководством США.

Однополярность этого периода теперь закончилась, и мир вернулся к более нормальному состоянию многополярности, «когда Китай, Россия, Индия, Европа и другие центры увеличивают свою мощь по сравнению с Америкой» (Fukuяama, 2021).

По мнению Ф. Фукуямы, Соединенные Штаты сталкиваются с серьезными внутренними проблемами. Американское общество глубоко поляризовано, и ему трудно достичь консенсуса практически по любому вопросу. Подобная поляризация началась с местных американских политических проблем, однако с тех пор постепенно переросла в ожесточенную борьбу за культурную идентичность.

Даже внешняя угроза, такая как распространение вируса COVID-19, не заставила американцев сплотиться. Скорее, утверждает Ф. Фукуяма, кризис усилил раскол и социальную дистанцию США. Вопросы вакцинации и средств индивидуальной защиты стали политическими проблемами, а не мерами общественного здравоохранения (Fukuяama, 2021).

По-прежнему существует устойчивый консенсус элиты в отношении Китая, который превратился в соперника США: и республиканцы, и демократы согласны с тем, что КНР представляет собой «угрозу демократическим ценностям». В сегодняшнем менее поляризованном мире после «холодной войны» режимы, которые долгое время сопротивлялись усилиям США по демократизации, теперь ощущают смелость и молчаливую поддержку со стороны государства, ориентированного на подъем Китая.

Внутренняя поляризация уже нанесла ущерб глобальному влиянию Соединенных Штатов, как утверждает аналитик. Привлекатель-

ность США значительно уменьшилась, поскольку американские демократические институты в последние годы не работали должным образом.

Ф. Фукуяма утверждает, что США вряд ли вернуться к своему прежнему гегемонистскому положению, и не должны даже пытаться это сделать, поскольку в лучшем случае государству остается только надеяться на «поддержание мирового порядка, основанного на демократических ценностях, вместе со странами-единомышленниками» (Fukuyama, 2021).

Некоторые современные исследователи, такие как, например, Оливер Тернер, утверждают, что так как дипломатические отношения и приверженность безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе развиваются, Соединенные Штаты также должны адаптироваться, однако остаются вопросы относительно того, в какой степени они готовы это сделать, и как они будут понимать первые долгосрочные ослабления своей региональной власти над идеями и физической мощью.

Помимо этого, многие теоретики, изучающие имперские амбиции США на современном этапе, сходятся во мнении, что сменявшие друг друга правительства США не определились, какой политике следует придерживаться в отношении Китая.

Благодаря передовым технологиям, экономическому росту, военной мощи и огромному населению Китай является вторым по влиянию глобальным игроком после США. С одной стороны, Китай позиционирует себя против западной гегемонии. По этой причине он возглавил создание Шанхайской организации сотрудничества, которая считается новым партнером НАТО.

С другой стороны, Китай пытается создать экономические институты в качестве альтернативы специализированным организациям ООН, таким как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Теперь он готов предоставить финансовые ресурсы другим странам для различных проектов. Китай арендовал или купил множество морских портов по всему миру, чтобы укрепить свои позиции на глобальном уровне. Многие страны, близкие к США, такие как европейские государства и Израиль, начали улучшать свои отношения с Китаем. Многие африканские и ближневосточные страны считают КНР одним из своих ближайших экономических и политических партнеров.

Таким образом, можно легко предположить, что китайский вызов глобальной гегемонии находится в процессе становления. Единственная причина, по которой Китай не заявил о своей глобальной гегемонии, – это время. Другими словами, по мнению китайского руководства, Китай еще не готов к глобальной гегемонии. Когда Китай на-

chnet вмешиваться в политические и экономические дела других стран и уводить их от США, глобальная конфронтация станет неизбежной. В то же время США не уверены, сколько стран будут продолжать оставаться на их стороне. Многие европейские страны могут остаться равнодушными к возможному противостоянию США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе.

Позиция некоторых мировых держав, таких как Индия, в отношении глобального могущества Китая ясна, в то время как многие другие могут остаться нейтральными в случае усиления конфронтации. Хотя Россия кажется ближе к Китаю, а европейские страны – к США, их позиция со временем может измениться, поскольку положение многих мировых и региональных держав не фиксировано.

Следуя отраслевой политике, каждое государство поддерживает парадоксальные отношения друг к другу. Следовательно, хотя стоит принимать во внимание общие тенденции, в настоящее время можно сосредоточиться на конкретных проблемных областях, чтобы делать выводы из отдельных случаев.

Как утверждает М. Кларк, Китай считает себя способным обеспечить стабильность в регионе за счет компенсации несбалансированного экономического развития и постепенного смягчения геополитической мощи США (Clarke, 2019).

Примечательно, что кризис COVID-19 выявил не только недостатки антикризисного управления США, но и их взаимосвязь с либерально-демократическим порядком. Так, согласно М. Кларку, отсутствие ясного американского руководства на разных этапах пандемии было настолько распространенным, что «вся идея трансатлантического сотрудничества стала спорной».

Как описывает автор, наиболее заметным провалом системы было то, что США во главе с Д. Трампом отказались от своей роли международного лидера во время пандемии. Более того, он подчеркивает роль Китая в подрыве международной системы, объясняя это тем, что в течение многих лет Китай прилагал явные усилия, пытаясь интегрироваться и прививать свои авторитарные ценности многосторонним организациям (Clarke, 2019).

Партнерские отношения, которые КНР стремится установить, основаны на принципе «беспроясности», что способствует растущему признанию Китая в международных кругах. Действительно, поскольку администрация Д. Трампа неоднократно игнорировала международные организации, в частности, Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Китай все активнее сотрудничал с ними (Clarke, 2019).

Анализируя данные работы, становится очевидным, что ученые приходят к единому мнению, что Китай находится на подъеме, постепенно интегрируясь в международные институты и поэтапно утверждая свое экономическое господство. При этом, хотя авторские концептуальные представления о формирующемся мировом порядке признают усиление позиций Китая, они не могут адекватно объяснить растущую привлекательность китайской модели.

Сегодня ученые понимают, что экономическая и геополитическая мощь Китая, проявленная во время пандемии вируса COVID-19, может способствовать наращиванию международной мощи, что потребует стратегического внимания США. Однако они редко задумываются о том, как китайская модель управления и особый стиль лидерства потенциально оказались более подходящими для управления глобальными кризисами, чем модели либеральных демократий.

Как пишет Найл Фергюсон, замечательная скорость, с которой Китай смог сдержать вирус, позволила ему продемонстрировать сильные стороны своей модели и сформировать повествование о пандемии в свою пользу. Постепенно американское превосходство на Ближнем Востоке стало рассматриваться Китаем как основное препятствие для его дипломатических и стратегических региональных перспектив (Ferguson, 2020).

Теперь, хотя Китай по-прежнему зависит от цен на нефть, которые частично регулируются США, Н. Фергюсон и некоторые исследователи считают, что зависимость КНР от нефти ближневосточных стран не дает ей рисковать их отношениями, даже ценой неприемлемости по отношению к Соединенным Штатам (Ferguson, 2020). Понимая, что контроль США над ближневосточной нефтью и важнейшими военноморскими путями дает им глобальное превосходство, которое представляет собой стратегический риск для Китая, страна начала конкретно взаимодействовать с Ираком, Ираном и Саудовской Аравией. Связи между Ираном и Китаем еще больше укрепились после подписания соглашения о военном сотрудничестве, и китайские ракеты и технологии к настоящему времени даже попали в Йемен и Ливан, а стратегическое сотрудничество, как ожидается, будет только расти по мере роста военного потенциала Китая.

Как утверждает Н. Фергюсон, Китай считает себя способным обеспечить стабильность в регионе за счет компенсации несбалансированного экономического развития и постепенного смягчения геополитической мощи США (Ferguson, 2020).

Руководство Дж. Байдена расширяет траекторию политики Вашингтона, определяя «более напористый и авторитарный Китай» как

«единственного конкурента, потенциально способного объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильной и открытой международной системе» (See-Won, 2021).

С исторической циклической точки зрения власть, интересы и правила определяют формирование международного порядка, включая «долгосрочную конкуренцию и краткосрочный компромисс в поисках общих ценностей». Положение Китая в существующем порядке рассматривается через призму гегемонии США как «высшая форма западной исторической гегемонии» (See-Won, 2021).

Политические элиты США продвигали «гегемонистскую» Бреттон-Вудскую систему, представляя свои предпочтения, успешно управляя внутренней изоляционистской традицией и иностранным сопротивлением. С падением относительной мощи США их политика перешла от «принятия» Китая к этому господствующему порядку к «отказу от него» (See-Won, 2021).

В частности, Соединенные Штаты больше не могут принимать растущий Китай в качестве стратегического партнера или члена международной системы, поскольку «демократическая дисциплина» там потерпела неудачу. Переход Китая на рынок с 1978 г. привел к примирению между США и Китаем и, в конечном итоге, к разногласиям, поскольку Китай продвигал свою собственную экономическую и политическую повестку дня.

Как отмечают китайские наблюдатели, несмотря на некоторые возможности для сотрудничества, политика Дж. Байдена в отношении Китая склоняется к «стратегической конкуренции и даже конфронтации». Отвергая односторонний подход Д. Трампа и явные нападки на Коммунистическую партию Китая (КПК), Дж. Байден выбрал альтернативные инструменты многосторонности и взаимодействия с союзниками для постоянной цели ограничения влияния Китая.

Как утверждает Ван Цзи, «в сегодняшней китайско-американской конкуренции и сотрудничестве почти все связано с вопросом правил». Этот вопрос будет самым большим предметом споров в будущем, не потому, что Соединенные Штаты опасаются быть вытесненными Китаем экономически, а потому, что «они обеспокоены тем, как они будут справляться, когда их настигнут» (Wang, 2017).

С точки зрения китайских теоретиков международных отношений, таких как Цинь Яцин, одно из самых больших изменений XX в. – это конец не только глобальной гегемонии США, но и самой гегемонии как мирового порядка. Текущий переход к более плюралистическому миру «инклюзивной многосторонности» указывает на «много-

полярную структуру власти, многоуровневые институциональные механизмы и многомерные идеи». Альтернативному биполярному порядку «один мир, две системы» не хватает материальных и институциональных условий для его формирования, а также поддержки со стороны США и Китая (Qin, 2021).

ВЫВОДЫ

В результате рассмотрения имперских амбиций и гегемонистской направленности США, многие исследователи сходятся во мнении, что Соединенные Штаты постепенно теряют позиции в международной политике, и они не знают, как повернуть вспять или даже остановить этот разрушительный курс. Более того, США продолжает проводить одностороннюю политику, заставляя союзников терять к себе доверие.

Как отмечают современные теоретики, США с опозданием примирятся с подобной реальностью, и результатом становится наиболее значимая переоценка своей политики в отношении Китая более чем за целое поколение. Аналитики все больше соглашаются с идеей о том, что недавняя напористость Китая является продуктом личности китайского руководителя Си Цзиньпина. Тот факт, что современные дебаты по-прежнему расходятся по многим фундаментальным вопросам, связанным с великой стратегией Китая, вызывает беспокойство, особенно с учетом того, что каждый вопрос имеет совершенно разные политические последствия.

References

- Clarke, M. (2019). China's Foray into the Middle East: From Ambivalence to Ambition? In *Routledge Handbook of International Relations in the Middle East* (pp. 164–183). London; New York: Taylor & Francis Ltd.
- Ferguson, N. (2020). From COVID War to Cold War: The New Three-Body Problem. In *COVID-19 and World Order: The Future of Conflict, Competition, and Cooperation* (pp. 419–437). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fukuyama, F. (2021, August 18). Francis Fukuyama on the End of American Hegemony. *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony>
- Qin, Y. (2021). Changes in the world order: From hegemony to inclusive multilateralism. *Yatai Anquanyu Haiyang Yanjiu*, (2), 1–15.
- See-Won, B. (2021). Chinese Views of Hegemony and Multilateralism in the Biden Era. *The Asian Forum*, 9, 2.

Wang, J. (2017). How China and the US Will Co-Evolve Under “Two Orders.” In *Reconstructing China’s Participation in the Global Order* (pp. 68–81). London: BRILL.